

НЕЛЮДИМ

Я заметила Киру сразу. Наверное, потому что его посадили прямо передо мной. Большой, кудрявый и какой-то очень грустный. Сел и сразу уставился в окно, за которым шел дождь.

— Привет, — я ткнула его в спину карандашом, и когда он обернулся, представилась: — Лина.

Он сперва улыбнулся, потом нахмурился и стал меня избегать. И Армена тоже, с которым мы подошли к Кире на переменке. И Восю. Мы приставать не стали — мало ли, что.

— Адаптация, — важно объяснил Армен. У него мама психолог.

.....

Кира приехал из Москвы в сентябре, но за месяц так ни с кем и не подружился. Не потому, что не знал армянский — языку его научила бабушка, так он сказал учительнице — а потому что... не хотел, наверное. На уроках отвечал, на переменах читал что-то или ел, а после школы сразу шёл домой. Мы его прозвали Кира-нелюдим.

А в середине октября он вдруг пришёл в наш театральный кружок.

Юлия Алексеевна вела в школе русский, и еще, совсем недавно, организовала театр для своих учеников. И я, и Армен, и Вося — мы все туда ходили. Сами рисовали декорации, сами распечатывали билеты и собирали стулья по домам. Зато уже поставили Цветик-семицветик и еще один классный спектакль про мальчика и девочку, как они идут друг за другом и за мечтой. Но хотя идут в одно место, всё вокруг видят по-разному и мечты тоже.

Вот после этого Кира и пришёл к Юлии Алексеевне. Причём сразу с предложением:

— Давайте поставим спектакль про кошачью семью — как им нужно переехать из старого дома. Я еще в Москве писал сценарий, но тогда у меня не получилось. А сейчас я знаю, о чём писать.

Юлия Алексеевна обещала почитать, а мы сразу после занятия подошли к Кире и попросили рассказать про идею. Так, на правах актёров.

— Ну, там про взрослых и детей. — замялся Кира, но мы смотрели заинтересованно, особенно Армен. У него мама психолог, он знает, как смотреть. — Малыши рады уехать, посмотреть другие дома, а взрослые не хотят, им грустно оставлять любимые места.

— У меня бабушка из старого дома тоже не хотела уезжать, — покивал Вося. — Говорила, что всё ей тут родное, а сил на новое родное уже нет.

— Ага, — Кира вздохнул. — Но на самом деле, малышам тоже тяжело. Ну, потом будет тяжело. Они же не знают, что это надолго.

— Точно, — подтвердила я. — Мы когда отдыхали на море, у меня младший брат сначала радовался, а потом через два дня потребовал ехать домой. Для него это было слишком надолго.

Мы тогда еще долго разговаривали. А пока разбирали сценарий, ходили в кафе и в гости к Вося — у него большая квартира. Кира как-то оттаял, рисовал крыши и дома, придумывал реплики. И на выступлении был лучше всех.

— Пройдите ещё раз по дому, шалопаи (на шалопаев нам Юлия Алексеевна исправила мелюзгу, мы бы такую ерунду не придумали). — хрипло вещал свернувшийся в комок Кира- старый кот. — Ощутите каждую трещинку под подушечками лап, вдохните запах этих стен и нашего дивана. Запомните их, это ведь ваш первый дом, лучше его не будет.

Мы тогда собрали целый актовый зал, и честно, многие родители и бабушки плакали.

— Ты молодец, Кира. Я очень рад, что у меня есть такой друг, — хлопнул его по плечу Армен после выступления. И хотя мама у Армена была психологом, чего-то в этот раз он сказал мимо.

После его слов Кира снова прекратил с нами общаться. Сторонился, молчал и даже в театральном перестал ходить. Хотя Юлия Алексеевна его звала.

А потом вообще случилось плохое. В конце февраля тройка Миши-хулигана из соседнего двора задирали малышня на площадке. Шапки снимали с первоклашек, рюкзаки на гаражи забросили, еще и пинков надавали. Я из окна всё видела, уже хотела маме звонить,

а тут вдруг Кира идёт. Остановился, посмотрел на это всё, я даже испугалась за него, что он сейчас бросится помогать. А он...

В общем, он подошёл и присоединился к Мише и его друзьям. Они даже руки друг другу пожали модно, с кулачками. Просто кошмар.

Я так рассердилась на него, и Армен тоже, а Вося вообще кричал, что увидит — побьёт. Но сперва мы заболели по очереди гриппом, а потом просто перестали обращать на Киру внимание. Я иногда видела их компанию из окна — Кира никого не бил, но и не помогал. Просто стоял рядом. Пару раз даже курил.

А весной Мишина банда пристала ко мне. Я шла из школы позже обычного. Мы украшали класс к 8 марта, а часть плакатов я взяла с собой, дорисовать. Почти дошла до дома, оставалось обогнуть гараж и во двор свернуть — вот тут-то Миша и выскочил. Он с компанией торчал на детской площадке. .

— Куда тебе столько бумаги, очкастая, глаза вылезут. — Миша обидно загоготал и оглянулся. Давид с Марком тут же поддержали. Кира сидел на качелях чуть подальше, и вставать не стал.

Я молчала. Потому что, неважно, что я скажу, всё равно прицепится.

— Чего молчим? — Миша включил злого хулигана и слегка толкнул меня в плечо. А потом стукнул снизу по сумке с плакатами — и они попадали на землю, прямо в грязь.

— Вот урод, — вырвалось у меня. Я два часа их рисовала.

— Чё сказала? — Миша уже навис надо мной и разминал пальцы. Неужели бить будет? Девчонку? Точно урод.

— Не трогай её, — вдруг послышался Кириин голос. Тихий и немного хриплый — как у кота, которого он играл. Предупреждающий. Правда, Миша этого не заметил. Он ухватил меня за хвост и потянул вверх.

Больно было ужасно.

— О, Кирыч, ты её знаешь, что ли?

— Не трогай, я сказал, — Кира подошёл ближе и что-то такое было в его лице, что Миша сразу напрягся.

— А то что? — отпустив меня, он повернулся к Кире. Давид с Марком пока не понимали, что происходит, поэтому стояли и улыбались как дебилы.

— Побью, наверное, — пожал плечами Кира. А потом улыбнулся. — Точно, побью.

Они сцепились как те же коты. Били друг друга по лицу и в живот. Парни подбадривали Мишу, но не вмешивались.

А я вмешалась.

Врезала Мише рюкзаком по голове, схватила Киру за руку и потянула во двор. Мы еле успели добежать до нашего гаража и спрятались там. Миша колотил снаружи, но попасть не мог. Я позвонила Армену по громкой связи и попросила привести всех своих братьев. Снаружи стало тихо.

Кира молчал, только шмыгал носом.

— Слушай, спасибо, конечно. — наконец, повернулась я к нему. Сказать-то что-то нужно было. — Но, ты чего вообще влез? Вы же вроде вместе.

— Теперь уже неважно, — Кира улыбнулся, как раньше, и вытер кровь под носом.

— Раздружился? — с надеждой спросила я.

— Не, мы уезжаем.

— В смысле? И что?

Он привалился к стене и опустил голову.

— Ну... когда нет друзей, уезжать проще. А когда плохие друзья, тогда даже хочется.

Наверное, в Москве у него были хорошие друзья, раз он не захотел заменить их нами. Как его кот из спектакля не захотел менять старый дом. Жаль.

— То есть ты скоро уедешь?

Он кивнул.

— Мама сказала, что сегодня все решится. Она и в Москве то же самое говорила, и мы уехали. Так что... да.

На этом разговор закончился, потому что позвонил Армен и сказал, что путь свободен. Он из окна следил за гаражом.

— А вот Киру ждут у подъезда. — добавил он нехотя. — Так что, лучше там не ходить.

Так что, Кира, прячась за кустами, обходил свой дом и лез с другой стороны по дереву на второй этаж. А потом махал мне из окна, чтобы я уходила.

Уже стемнело, я шла домой и плакала, потому что мне было очень жалко, что Кира уезжает. И еще потому, что это неправильно не дружить, даже если потом будет больно.

Всю ночь мне снились грустные сны про котов и старый дом — только этим домом была наша улица, и я старалась запомнить каждую площадку, каждое окошко. И особенно Киру, которого я больше не увижу.

.....

На следующее утро меня разбудил Кирин звонок. Оказалось, что они никуда не едут, а наоборот остаются у нас еще на год. Так что пришлось ему снова драться с Мишиной компанией и всё-таки дружить с нами.

Но это уже совсем другая история.